

Туторский А.В.¹

Взгляды А.А. Никишенкова на «Историю первобытного общества»: большие проблемы для антропологии или антропологические проблемы большой важности?

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды А. А. Никишенкова на курс «История первобытного общества». Указывается двойственность этих взглядов. С одной стороны, портрет первобытного человека – это сочетание несочетаемого: культуры маори Новой Зеландии, папуасов Тробрианских островов, эскимосов Гренландии, бушменов Калахари, нуэров Сахары. С другой стороны, такой «коллективный портрет» – это способ ввести студентов в проблематику антропологии, традиционных обществ, дарообменной экономики, ранних форм институтов власти, мифов и религиозных воззрений.

Никишенков положил в основу курса традиционный для антропологии холистский характер описания общества, в котором необходимо описать хозяйство, экономику, социальные, потестарные, родственные структуры, а также мифы, верования и ранние формы религиозных воззрений и практик. Внутри ряда этих тем информация разбивалась на три блока: раннепервобытную общину, общину ранних земледельцев и позднепервобытную. Эти три блока не представляли собой три хронологических этапа, а являлись тремя вариантами усложнения структуры общества и человеческих отношений в нем. Данная трехчастная схема восходит не только к работам А. И. Першица, но может быть сопоставлена с идеями Р. Турнвальда и М. Саллинза.

Особое значение имеют знания о «первобытном человеке» как знания о тех вопросах, которые исследуют антропологи, как своеобразный способ познания, который можно перенести на современные нам и менее экзотические общества. Знание первобытности и историографии давали тот каркас, тот скелет, имея который можно было приступать к изучению проблем «интерпретативного поворота» или «постмодернистского кризиса».

Ключевые слова: первобытность, теория первобытности, первобытность как эпистемология, преподавание антропологии, социальная антропология

УДК 572+903

Abstract. Alexei Nikishenkov started teaching the Prehistory course in 1986. It was quite clear to him that the prehistoric societies covered this course were diverse and not homogenous. Nikishenkov diverged from the

¹ Туторский Андрей Владимирович - кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

approach presented in the three-volume book “The History of the Primitive Society” edited by Valeriy Alexeev, Abraham Pershitz and Yuriy Semenov, in which different historical, geographical, and economic societies were merged together to form the structure of a nonexistent “Primitive-State Society.” The facts about Australian aboriginals were also applied to Paleolithic Era hunters and gatherers, and the facts about the Inuit people were used as a basis to reconstruct the Neanderthal’s way of life.

At the same time, the very facts about the way of life of tribes and peoples from classical anthropological ethnographies – such as the Trobriand Islanders, Tikopia, Dobe !Kung, Yanomamö, Papua-New Guinea highlanders and coast dwellers, among others – are of crucial importance for ethnographical/anthropological education. In history education, the scientific problems of the “prestige economy,” “segmentary society”, “classificatory kinship”, “mythology”, “totemism”, and many others are only discussed in a “History of Primitive Society” class. As a result, discontinuation of this course causes more negative than positive results.

The course’s problematic can also become an epistemological tool to investigate contemporary societies such as international corporations, small companies, prison or criminal cultures. A clear understanding of what truly constitutes the culture and social structures of classical anthropological-cases tribes is a necessary condition for the successful investigation of new types of societies.

Key words: prehistory, simple societies, contemporary tribes, teaching anthropology, tribal life, prehistory as epistemology

Курс истории первобытного общества, как и сама тематика первобытности, является одним из самых неоднозначных из всех исторических периодов. Удаленность этого временного отрезка от исследователя, которая влечет за собой существенные культурные отличия людей того времени от «нас», а также ничтожное количество источников ведут к созданию множества мало научных, квазинаучных и полностью ненаучных концепций, а также ненаучной мифологизации этого периода. В работе О. Ю. Артемовой «Колено Исава» автор уделяет отдельный раздел развенчанию грубейших искажений истории первобытности². Особенности трудности представляет реконструкция так называемых «первобытных институтов»: первобытной экономики, первобытного брака, первобытной власти, первобытной морали.

Каждый преподаватель и каждое образовательное учреждение по-своему решает, как преодолеть это проблемное поле. Чаще всего чтение курса лекций поручается специалисту по археологии каменного века. Такую стратегию, в частности, избрал исторический факультет Санкт-Петербургского университета, где курс «История первобытного общества» долгое время читал А. Д. Столяр. В этом случае, лектор прекрасно знает источники, и, что еще более важно, знает лакуны в них. Он представляет материалы,

²Артемова О.Ю. Колено Исава. Охотники, собиратели, рыболовы. Опыт изучения альтернативных социальных систем. М., 2009. С. 41-61.

делает некоторые обобщения, но показывает, что слишком уж размашистые «мазки кистью» для воссоздания картины жизни первобытного человека ведут к ложным представлениям.

Отметим, что такой вариант возможен, когда археологи и этнографы числятся на одной кафедре, что было очень широко распространено в университетах СССР. До 1980-х годов курс «Истории первобытного общества и основы этнографии» был единым. Примерно половина времени отводилась на изучение антропогенеза, а также наиболее «первобытных» обществ Земли, а вторая половина была посвящена преимущественно народам СССР.

На историческом факультете Московского университета была избрана иная стратегия. С самого времени образования кафедры этнографии в 1939 году курс читался сотрудником кафедры этнографии. Долгое время это был С. П. Толстов, который был больше археологом, чем этнографом, а проблемы ранних государств, возникновения земледелия были ему чрезвычайно близки в связи с раскопками древнего Хорезма. В 1960-е – 1970-е годы курс «Истории первобытного общества и основ этнологии» читался С. А. Токаревым, который придал ему историографический разворот. Эта традиция была подхвачена Г. Е. Марковым и затем продолжена А. А. Никишенковым.

В 1986 году, когда курс «Истории первобытного общества» стал самостоятельным на историческом факультете. Г. Е. Марков разделил программу курса на две части³. Первая была посвящена «истории первобытных людей»: антропогенезу, изучению жилищ архантропов, палеоантропов и неоантропов, эволюции орудий труда и технологий их изготовления. Вторая часть называлась «Последние люди каменного века» и была посвящена современным охотникам и собирателям: австралийским аборигенам, бушменам Калахари, ряду кочевых народов Амазонии, занимающихся присваивающим хозяйством, а также наиболее любимым Геннадием Евгеньевичем кочевникам Филиппин, Явы, Суматры и Калимантана. Преимущественно эта часть представляла собой описание хозяйственной деятельности и материальной культуры этих народов. Автор ввел четкое разделение между этими двумя частями. Первая посвящена истории, вторая современным практикам. Они не ставились в прямую связь друг с другом, представляя два пути реконструкции первобытности, назовем их «исторический» и «аналоговый».

Алексей Алексеевич Никишенков сохранил это разделение и усилил историографическую составляющую. Как он считал, для настоящего историка гораздо важнее понимать, не что реально происходило в исторический период среднего палеолита, а то, как формируются знания и представления историков об этом периоде. Как частные научные концепции становятся общеисторическими, и какие искажения при этом происходят.

А. А. Никишенков пришел на кафедру этнографии после армии в 1970 году. Его дипломная работа была написана под руководством главного слависта кафедры Г. Г. Громова и была посвящена

³ См. подробнее: Туторский А.В. Рец. на: Г. Е. Марков. Первобытное общество: Учебное пособие. М., 2009 // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 163-165.

происхождению поляков и западных белорусов. Однако после поступления в аспирантуру, в связи с увольнением с кафедры профессора В. М. Бахты, он стал заниматься изучением британской социальной антропологии. В рамках историографии и изучения теоретических взглядов функционалистов, он значительное внимание уделяет различным теориям первобытности. Его первые публикации можно представить в виде двучастного единства: первобытность и британская антропология⁴.

Интересно отметить, что некоторые важные идеи были у А. А. Никишенкова уже в первых его работах. Так в самой первой статье он четко разделяет полевые материалы и глобальные теоретические обобщения: «К чести Малиновского, надо сказать, что в своих заключениях он всегда опирался на тщательно отобранные свидетельства очевидцев и не претендовал на универсальность своих выводов, оговаривая, что имеет дело только с конкретным обществом на конкретном промежутке времени...»⁵. Этот партикуляризм раннего Малиновского впоследствии стал важной составляющей его концепции подачи знаний о первобытном обществе студентам МГУ.

Онтология первобытности

Сущностное отношение А. А. Никишенкова к курсу «История первобытного общества» было двойственным. С одной стороны, как ученый и исследователь, он часто говорил о том, что этот курс в том виде, в котором он содержится в трехтомнике «История первобытного общества», имеет множество мифических сторон, которые нельзя ни доказать ни опровергнуть. С другой, уже как преподаватель и лектор, он считал, что проблемы, которые затрагиваются в данном курсе, чрезвычайно важны и уместны для обсуждения со студентами именно на первом курсе.

Для иллюстрации своего научного отношения к курсу А. А. Никишенков приводил в пример изображение одного из воплощений бога Кришны. Это существо, которое имеет голову и шею петуха, бычий горб, тело льва, хвост-змею и три ноги: оленью, тигриную и слоновью. На месте четвертой ноги расположена человеческая рука. Выглядит очень странно и олицетворяет несочетаемость частей. Именно так, считал Алексей Алексеевич, и выглядит курс истории первобытного общества. Мы берем археологические орудия Европы, неолитические памятники региона плодородного полумесяца, яркие элементы культуры маори Новой Зеландии, папуасов Тробриандских островов, эскимосов Гренландии, бушменов Калахари, нуэров Сахары и выстраиваем из этих абсолютно несочетаемых элементов единую культуру первобытного общества, обобщенный портрет первобытного человека.

⁴ Никишенков А.А. Функционализм Малиновского и проблема изучения родства, брака и семьи в доклассовом обществе (К вопросу о соотношении теории, методологии и конкретной проблематики этнографии в британском функционализме) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1981. № 5. С.57-69; Никишенков А.А. Метод структурного анализа А.Р. Редклифф-Брауна и проблема изучения отношений родства в доклассовых обществах // Пути развития зарубежной этнологии. М., 1983. С. 5-24.

⁵ Никишенков А.А. Функционализм Малиновского... С.59.

Но эти элементы несовместимы по целому ряду признаков. Во-первых, абсолютно неправильно сравнивать общества с разными векторами развития. Бушмены и австралийские аборигены, будучи представителями вида *Homo sapiens* так же, как и европейцы или жители Азии проделали исторический путь длиной примерно в 100-120 тысяч лет. Однако в отличие от англичан или китайцев, развитие которых было связано с изобретением новых технологий, туземцы Австралии и Южной Африки двигались в другом направлении. Они учились обходиться малым, вместо совершенствования технологий они совершенствовали знания об окружающем мире и социальные отношения. Бушмен может регулярно добывать воду и пищу в пустыне, где обыкновенный европеец не сможет выдержать нескольких суток. А ведь бушмены еще и рождаются, взрослеют, влюбляются, становятся лидерами на этих землях. Более того, они любят эти земли, считая, что это лучшее место в мире. И их культура с определенной точки зрения представляет собой «пик развития»: эти люди могут довольствоваться малым и быть счастливыми вопреки суровой (с нашей точки зрения) окружающей среде.

Во-вторых, в XIX – XX веках мы имеем дело с очень специфическими «первобытными» обществами – обществами загнанными цивилизацией на окраины нашего мира. А ведь они не всегда населяли только те места, на которых их застали к началу новейшего времени европейцы. Еще в начале XVIII века вся Австралия была заселена аборигенами, занимавшимися охотой и собирательством, еще в XV веке племена индейцев Америки полностью владели Новым Светом, а незадолго до начала нашей эры Африка к югу от экватора была населена предками бушменов и готтентотов. В результате различных миграций – переселения бантуязычных племен на юг Африки, великих географических открытий и заселения Нового Света европейцами, основания британских колоний в Австралии – карта мира кардинальным образом изменилась. К XIX веку, когда начали проводиться первые исследования культур туземцев, мир существенно изменился. Нам, как жителям Европы, трудно понять отличия аборигенов, населяющих Великую пустыню Виктория и аборигенов Нового Южного Уэльса или увидеть разницу между предками койсанских народов, проживавшими на территории современных Зимбабве, Камеруна и Танзании, от нынешних бушменов, хадза и сандаве.

Но можно привести более близкий нам пример. Предки современных сибирских народов ханты, манси и европейских венгров некогда образовывали единую языковую угорскую общность. Однако если пытаться «этнографическими» методами восстанавливать эту общность, то мы приходим к ложному результату. Современные дунайские угры или венгры испытали сильное влияние кочевников кипчаков, а затем славян, а современные обские угры – оленеводов ненцев. Их современные культуры также далеки от праугорской общности, как культуры современных питьянтьяра от аборигенных культур Юго-Востока Австралии рубежа I и II тысячелетий нашей эры.

Если суммировать все сказанное выше, то курс «Истории первобытного общества» объединяет труднообъединяемые элементы культуры очень разных народов из разных климатических зон и создает из

них некие единства: мир раннепервобытной общины, мир позднепервобытной общины и так далее. Кроме того, созданное таким образом «культурное единство» является внеисторичным. Его создатели игнорируют трансформации культур охотников, собирателей и ранних земледельцев, о которых мы можем судить предположительно, и конкретно изменения за последние 500 лет, которые зафиксированы в источниках.

Вместе с тем, считать отношение А.А. Никишенкова к «первобытности» полностью негативным было бы неправильно. В беседах он многократно указывал, что курс вводит студентов в круг проблем, которые не затрагиваются в других учебных курсах. Это проблемы простейших форм экономических отношений и дарообменной экономики, это проблема простейших форм властных отношений, формирование института бигменов и вождей, это проблема морали и этики у охотников и собирателей, а также ранних земледельцев. Все эти проблемы очень поверхностно затрагиваются в курсах по истории Древнего Мира и истории Средних Веков, но на материалах более поздних и инкорпорированных в государственные структуры крестьянских обществ.

Наибольшее количество параллелей, казалось бы, должно было бы быть в курсах «Основы этнологии» и «История первобытного общества». И часто у внешнего наблюдателя создается впечатление, что эти курсы могут с большой легкостью заменить друг друга. В действительности ситуация выглядит несколько иначе. Курс «Основы этнологии» по традициям, заложенным еще в XIX веке, когда кафедра «Географии и этнографии» существовала на физико-математическом факультете Императорского Московского университета, построен по географическому принципу. Безусловно, в лекции «Народы Океании» необходимо упомянуть дарообменную систему кула, однако привести параллели из Африки и Юго-Восточной Азии можно лишь пунктирно. Подробное изложение, например, исследований экономики африканских обществ было бы некорректным по отношению к коллеге, который будет читать соответствующую лекцию, а кроме того, совершенно запутает студентов. Именно поэтому проблемный принцип изложения ключевых вопросов социальной антропологии «традиционных» обществ был использован А.А. Никишенковым именно для построения курса «История первобытного общества».

Принципы построения курса «История первобытного общества»

В основе структуры курса лежит дуализм источников о первобытности. Как известно их можно разделить на две принципиально не схожие между собой группы: «ископаемые источники», куда можно включить источники археологические, палеоантропологические, археозоологические и археоботанические, данные физики, химии и геологии, и «аналоговые», куда войдут источники «этнографические» и «этологические». Если первую группу источников можно назвать «молчаливой», и каждое свидетельство из источника необходимо будет извлекать с помощью сложных методов, то вторая

группа источников намного более информативна и разнообразна. Вместе с тем, как уже говорилось выше не все данные полученные в ходе полевых исследований этнографами или антропологами, а также этологами, можно экстраполировать на древнейшие исторические периоды.

Из этого разделения и принципиальной разницы источников проистекает разделение курса на две части. Для обозначения этого дуализма, как было сказано ранее, мы используем понятия «исторических» источников и «аналоговых» источников. Это первая, «историческая», часть курса, посвященная в первую очередь проблемам антропогенеза, перехода к производящему хозяйству, заселению ойкумены и образованию культурного и хозяйственного многообразия народов мира. И, вторая, «аналоговая» изучение современных «бесписьменных» обществ их социальных структур, а также культуры. Как уже упоминалось ранее в данной работе, такое разделение курса на две части появилось еще в 1970-е годы, когда его читал Геннадий Евгеньевич Марков. Он во втором разделе курса, названном «Последние люди каменного века», выделял подразделы «Хозяйственно-культурные типы бродячих охотников, собирателей и рыболовов», «Высший тип присваивающего хозяйства» и, наконец, «Мотыжные земледельцы и животноводы. Низший тип производящего хозяйства». Важно отметить, что данный раздел составлял примерно две пятых части курса⁶.

С точки зрения, Алексея Алексеевича Никишенкова этнографические или антропологические идеи должны были стать основой или ядром лекционного курса по «Истории первобытного общества». Принцип усложнения технологий хозяйствования был заменен принципом целостного описания культуры. Подобно работам многих классических антропологов от Р. Фёрса⁷ до наших дней, он включает разделы, посвященные отношениям родства, общинному хозяйству, социальным объединениям, традиционной дарообменной экономике, мифам, ритуалам, религиозным воззрениям, властным отношениям и, наконец, зарождению раннегосударственных институтов. Второй – «этнографический» – раздел в курсе А. А. Никишенкова составлял примерно две трети материалов.

Каждая лекция имела трехчастную структуру. Для того, чтобы эта концепция не вызвала отторжения у студентов, он использовал термины, которые укоренились в советской, а затем в российской традиции изучения первобытности: раннепервобытная община охотников и собирателей, первобытная община ранних земледельцев и позднепервобытная соседско-большесемейная община. Эта периодизация была введена патриархом отечественной истории первобытности А. И. Першицем в ряде статей, и поэтому термины были хорошо знакомы всем историкам. Новизна подхода заключается в целом ряде нюансов, которые чрезвычайно важны и поэтому на них следует остановиться подробнее.

⁶ Марков Г.Е. . Первобытное общество: Учебное пособие. М., 2009. С. 138-185.

⁷ Важно отметить, что такая «классическая» для антропологии структура появилась не в трудах отцов основателей Британской антропологии Б. К. Малиновского и А. Р. Редклифф-Брауна, а именно в работе Р. Фёрса «Мы, Тикопия», вышедшей в 1936 году. В отечественную традицию этот принцип отчасти контрабандно привнес Н. А. Бутинов, положивший его в основу книги «Народы Папуа-Новой Гвинеи» (Ленинград, 1968).

Во-первых, эта трехчастная схема не представляет собой схему эволюционную. Иными словами, и Алексей Алексеевич не раз подчеркивал это в различных лекциях на протяжении всего курса, раннепервобытная община не эволюционирует в общину ранних земледельцев, а та в свою очередь не эволюционирует в соседско-большесемейную общину. Или, если быть совсем точным, такая трансформация возможна, но как один из десятков вариантов развития, которые могут включать трансформацию общины ранних земледельцев в общину охотников и собирателей, состояние относительной стабильности тех или иных структур на протяжении многих десятилетий, а также совмещение различных типов общинных структур в разные периоды времени. Общество может развиваться различными путями и путь усложнения технологий – не единственно возможный.

Во-вторых, описание каждого «типа общины» представляет собой, в рамках курса истории первобытного общества, отсылку к материалам конкретных исследований. В экзаменационных вопросах содержатся конкретные уточнения. Например: «Раннепервобытная община – характеристика основных признаков *на примере локальной группы охотников и собирателей (аборигены Австралии, бушмены Южной Африки, индейцы Амазонки)* [курсив мой – А.Т.]». Характеристика того или иного типа общины не может быть оторвана от конкретных этнографических или антропологических исследований. Это не яркое описание отношений эпохи верхнего палеолита, о которых исследователи (причем этнографы в бóльшей степени, чем археологи или палеоантропологи) имеют очень смутное представление. Это описание на основании конкретных примеров и исследований ситуации у австралийских аборигенов аранда (арренте), африканских хадза или бушменов !кунг.

Эти два аспекта сближают схему, использовавшуюся А. А. Никишенковым в курсе лекций с трехчастными схемами, предложенными в разные годы и независимо друг от друга немецким исследователем Меланезии Р. Турнвальдом в начале XX века и американским исследователем Полинезии М. Саллинзом во второй половине того же столетия.

В работе «Психология первобытного человека», изданной в «год альчеринга» социальной антропологии⁸ – 1922 – на немецком языке, Турнвальд вводит деление на «низшие, средние и высшие первобытные народы» (niedrige, mittlere und höhere Naturvölker). К низшим народам он относил «все карликовые народы, в частности, бушмены Южной Африки, пигмеи тропических лесов Африки, далее жители внутренних горных районов малайских островов и, наконец, карликовое население внутренних районов Новой Гвинеи и ближайших». К средним первобытным народам относятся «жители Меланезии, низшие племена американских индейцев [так в оригинале – А.Т.], огнеземельцев, готтентотов Южной Африки и оставшаяся часть племен Судана». К высшим первобытным народам относятся «микро- и

⁸ В 1922 году вышли работы Б. К. Малиновского «Аргонавты западной части Тихого океана» и А.Р. Рэдклифф-Брауна «Жители Андаманских островов». Именно этот год можно назвать точкой, откуда берет свое начало англоязычная социальная антропология в ее современном виде.

полинезийцы, далее североамериканские индейцы, а также индейцы Великих равнин и бантуязычные народы Африки»⁹. Несмотря на то, что многие формулировки являются устаревшими, а некоторые даже неполиткорректными, картина вырисовывается во многом схожая.

Сразу отмечу, что Р. Турнвальд очень четко осознавал условность этого членения. Данный раздел его работы пестрит оговорками: «в природе все границы проницаемы» или «дух человека находится в процессе постоянного изменения»¹⁰. В последней фразе ученый упоминает «дух человека», термин, восходящий к трудам Г. В. Ф. Гегеля, который и был предметом исследования в описываемой работе. Абстрагируясь от психологического крена работы и переводя на наш современный язык, Турнвальд писал о том, что все культуры постоянно изменяются. Некоторые, отнесенные однажды к одному типу, могут в скором времени перейти в другой. Кроме того, он упоминает такие народы как эскимосы и индейцы Мексики и Перу, которые не могут быть отнесены ни к одному из трех разделов первобытных людей. Эскимосы обладают чертами как низших, так и средних первобытных народов. А указанные индейцы стоят между первобытными и цивилизованными народами¹¹.

Поразительно, что очень похожую схему создал в своей статье о политических системах Океании американский антрополог М. Саллинз. Он начинает статью с «некорректного» в те годы сопоставления народов Океании и первобытных обществ: «Они [народы Океании – *A.T.*] втиснули свои социальные институты в границы неплодородных коралловых атоллов, распространили их на вулканические острова, история подарила им созданные различными способами культуры, адаптированные к пустыням Австралии, горам и теплым берегам Новой Гвинеи, джунглям Соломоновых островов. От австралийских аборигенов, чья охота и собирательство похожи в общих чертах на культурную ситуацию Верхнего Палеолита, к великим вождествам Гавайев, общество которых приблизилось к культурным рубежам аналогичным цивилизациям района древнего Плодородного полумесяца...»¹²

Далее он переходит к методу исследования и о том, как осмысливать выделяемые особенности: «Сравнительный метод, используемый в этом исследовании, родился из прочтения монографий и делания заметок. Я не думаю серьезно, что я создал целый метод, но могу окрестить его – Методом Непроизвольных Сравнений. Описание двух форм лидерства – это сознательная кристаллизация результатов метода неосознанного сравнения. Эти две формы – универсализированные социальные типы. Любой человек, знакомый с антропологической литературой о Южной части Тихого Океана, знает, что там существуют важные вариации этих типов, а также особенные политические формы, не рассматриваемые здесь. Все согласятся, что рассмотрение вариаций и исключений необходимо и

⁹ Thurnwald R. *Psychologie des Primitiven Menschen*. E. Reinhardt Verlag, 1922. S. 155.

¹⁰ Thurnwald R. *Psychologie des Primitiven Menschen*. S. 154.

¹¹ Там же. С. 155.

¹² Sahlins M. *Poor man, Rich man, Big-man, Chief: Political types in Melanesia and Polynesia // Comparative Studies in Society and History*. Vol. 5. № 3. P. 285.

желательно. Однако, также удовольствием, своеобразной интеллектуальной наградой, является открытие универсальных моделей. Для того, чтобы научно оправдать свое желание получить удовольствие, я мог бы сослаться на меланезийских бигменов и полинезийских вождей, как «модели» или «идеальные типы». И, если всего лишь это и нужно для того, чтобы предать респектабельность работе, то пусть читатель смотрит на нее с этого ракурса»¹³.

Это отношение к фактам очень близко к тому, о чем множество раз говорил А. А. Никишенков в лекциях и разговорах с коллегами. Все конкретные факты не могут идеально соответствовать какой-либо схеме. Это, пожалуй, даже банальность. Любое обобщение всегда слабее конкретных фактов, потому что имеет больше неточностей. Вместе с тем, именно научные обобщения – основная продукция научного сообщества, и без научных обобщений бессмысленная наука сама по себе. Как же преодолеть это противоречие? Необходимо понимать, что научное обобщение – продукт нашей эпохи. Со сменой эпохи меняется и взгляд на научные факты в целом, меняется научная парадигма. При этом очень часто целые разделы знаний остаются нетронутыми в новых парадигмах.

Изложение фактов с определенной систематизацией и предложение слушателю (читателю) выработать свое собственное научное видение культурных закономерностей или особых типов – вот то, что роднит подход А. А. Никишенкова и М. Саллинза. Трехчастная схема может показаться кому-то наследием работ А.И. Першица, другим историческими периодами развития первобытного общества, третьим просто примерами культур и социальных структур народов мира. И все эти трактовки будут верны и несколько условны одновременно. При этом бигмены Меланезии, вожества Полинезии, локальные группы австралийских аборигенов и полиандрические браки у тода – объективные факты. А вот то, что они являются проявлением эгалитаризма, зарождения классового общества, общинности или матриархата – уже осмысления, имеющие разный смысл в разные периоды.

Об эпистемологическом значении первобытности. Вместо заключения

В завершение обзора взглядов А. А. Никишенкова на курс «История первобытного общества» хочется отметить одну важную деталь. Алексей Алексеевич очень любил «постмодерн», «интерпретативную» или «критическую» антропологию и это увлечение передавалось его ученикам. Однако при этом он был очень осторожен с работами последних десятилетий XX века. Однажды он сказал (цитирую по памяти): «Постмодернизм и интерпретативизм – очень текучие, неустойчивые, обманчивые понятия. Чтобы ввязываться в их изучение, нужен собственный внутренний каркас, скелет, который не даст Вам растечься вместе с работами. Очень хорошую структуру для внутреннего понимания дают

¹³ Там же.

классические исследования и классические проблемы в антропологии, то, что называют функционалистским подходом или у нас теорией первобытности». Поразительно, что важность этого круга проблем подтвердилось развитием этнографической науки в 1990-е – 2000-е годы.

В 1990-е годы в отечественных изданиях появился ряд статей, авторы которых использовали феномены первобытности для понимания современных культурных феноменов. Так, в статье М. В. Тендряковой, вышедшей в 1991 году, приводился практически манифест «первобытности как эпистемологии» на примере обрядов инициации: «Сегодня интерес к первобытным инициациям перешагнул границы классической этнографии. <...> Множество проблем, с которыми сталкивается человек в различные периоды жизни, и отсутствие социальных институтов, призванных оказывать помощь именно в эти моменты, дает право говорить об "инициационном голоде" современной культуры (выражение Рассела Локарта). Заявление об "инициационном голоде" никак не призыв к возрождению инициаций. <...> И все же инициации представляют собой универсальное явление культуры»¹⁴. Схожие идеи высказывались в статье Л. Самойлова «Этнография лагеря»¹⁵, а также в работах К. Л. Банникова¹⁶.

С одной стороны, эти идеи являются «упрощающими», за что они подверглись критике, в частности, в статье Г. А. Левинтона «Насколько "первобытна" уголовная субкультура». Автор пишет: «Материал, приведенный в статье, большинство из нас, разумеется, может только с благодарностью принять; не вызывает и сама постановка вопроса об этнографии лагеря, и целый ряд параллелей между социальными и ментальными структурами блатного мира и более традиционным этнографическим материалом... <...> Однако то объяснение, которое предлагается для этих параллелей, общий вывод статьи о близости лагерной культуры (и самого ментального типа вора) к первобытной культуре, к «дикарю» и о характере этой близости – принять уже значительно труднее»¹⁷. Читателю может показаться, что сопоставлять эти культуры нельзя. Однако это не так, их можно сопоставлять, однако это можно делать в определенной ситуации.

Приведу два факта. В сети Интернет с 2001 (а в России с 2009 года) широкую популярность обрели ролики «TED» (от англ. Technology, Entertainment, Design – Технологии, Развлечения, Дизайн – А.Т.). Специалист в какой-то области должен за 11 минут объяснить широкой аудитории, чем он занимается и почему это важно. В 2010 году на конференции в Оукленде выступил антрополог Майкл Хендерсон, который рассказал о том, как он стал исследовать современные корпорации, формулируя правила, необходимые для поддержания единства этих компаний. Он возглавил фирму, которая ведет подобные исследования, и стал экономически одним из наиболее успешных (в финансовом плане) представителей

¹⁴ Тендрякова М.В. Первобытные инициации и современная культура // Советская этнография. 1991. № 6. С. 48, 59.

¹⁵ Самойлов Л. Этнография лагеря // Советская этнография. 1990. № 1. С. 96-108.

¹⁶ Банников К.Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской Армии // Этнографическое обозрение. 2001. № 1. С. 112-141.

¹⁷ Левинтон Г.А. Насколько «первобытна» уголовная субкультура // Советская этнография. 1990. № 2. С. 96.

антропологического сообщества. В его объяснении важным тезисом является переход от «исследования дальних племен как корпораций к исследованию современных корпораций как экзотических племен». С одной стороны, это лишь игра слов. С другой стороны, многие люди проделывают именно такой путь от очевидной экзотики отдаленных мест к осознанию экзотики близкого. Этот переход, часто происходит в процессе написания диссертации и остается неосознанным, но именно эту смену ориентиров переживают почти все люди, занимающиеся антропологией. И здесь знание «классических дальних племен», то есть «первобытности», «классических примеров традиции» в антропологии, позволяет находить соответствие этим классическим примерам в окружающей нас современной реальности. Знание «первобытности» становится ключом к познанию современного «другого», мы понимаем, что же надо искать у «близкого другого», лишь зная классического «тамошнего другого».

Другой пример, еще одна статья М. В. Тендряковой, также посвященная теме инициации, но вышедшая через почти четверть века после предыдущей¹⁸. Слово «первобытность», хотя и присутствует в названии работы, совсем не используется в ее тексте. На смену «проблемам первобытной культуры» приходят «вечные вопросы», составляющие сущность человека как существа. Вновь «первобытность» востребована, но не как фактические знания, а как схема, от которой отталкиваются рассуждения автора.

Так, прямые сопоставления уголовной культуры с первобытностью, а коллектива менеджеров с племенем характерны для «наивной» этнографической или антропологической науки. Однако под «наивностью» следует понимать не только определенный период в развитии отечественной этнологии – 1990-е – 2000-е годы, когда происходила взаимная притирка идей западной антропологии и отечественных концептов, своеобразная «филогенетическая наивность». Проявляется «наивность» и при необходимости переводить результаты исследования на язык «неспециалистов», в случае презентации работы антрополога в формате «TED». Такая же наивность присутствует и при формулировании задач первых исследовательских работ в бакалавриате и магистратуре. Эту наивность можно назвать «онтогенетической наивностью». Именно здесь знание «фактических традиционных обществ» и умение не путать их с неточными и отвлеченными реконструкциями из трехтомника под редакцией А. И. Першица, В. П. Алексеева делает возможным дальнейший переход к антропологическим исследованиям современности.

Таким образом, подводя общую черту под сказанным, можно утверждать, что классические проблемы изучения первобытности, а точнее «традиционных» или «бесписьменных» обществ, чрезвычайно важны как для исследователей этнографов, так и для исследователей историков. Ведь изучая конкретные культуры Австралии, Океании, Амазонии или Африки мы получаем не только фактические сведения о далеких заморских народах, но получаем инструменты, которые в будущем могут быть

¹⁸ Тендрякова М.В. Первобытные возрастные инициации в кругу «вечных» вопросов // Этнографическое обозрение. 2014. № 1. С. 91-101.

использованы для исследований современности, близких общества, а в конечном итоге – человека в целом. Иными словами, со знания «концепций первобытности» начинается длинный путь в поисках понимания самих себя.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Артемова О. Ю. Колено Исава. Охотники, собиратели, рыболовы. Опыт изучения альтернативных социальных систем. М., 2009.
2. Банников К. Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской Армии // Этнографическое обозрение. 2001. № 1. С. 112-141.
3. Бутинов Н. А. Народы Папуа-Новой Гвинеи. Л., 1968.
4. Левинтон Г. А. Насколько «первобытна» уголовная субкультура // Советская этнография. 1990. №2.
5. Марков Г. Е. Первобытное общество: Учебное пособие. М., 2009.
6. Никишенков А. А. Метод структурного анализа А. Р. Рэдклифф-Брауна и проблема изучения отношений родства в доклассовых обществах // Пути развития зарубежной этнологии. М., 1983.
7. Никишенков А. А. Функционализм Малиновского и проблема изучения родства, брака и семьи в доклассовом обществе (К вопросу о соотношении теории, методологии и конкретной проблематики этнографии в британском функционализме) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1981. № 5.
8. Самойлов Л. Этнография лагеря // Советская этнография. 1990. № 1.
9. Тендрякова М. В. Первобытные возрастные инициации в кругу «вечных» вопросов // Этнографическое обозрение. 2014. № 1.
10. Тендрякова М. В. Первобытные инициации и современная культура // Советская этнография. 1991. № 6.
11. Туторский А. В. Рец. на: Г. Е. Марков. Первобытное общество: Учебное пособие. М., 2009 // Этнографическое обозрение. 2009. № 2.
12. Firth R. We, the Tikopia. A Sociological Study of Kinship in Primitive Polynesia. Boston, 1957.
13. Sahlins M. Poor man, Rich man, Big-man, Chief: Political types in Melanesia and Polynesia // Comparative Studies in Society and History. Vol. 5. № 3.
14. Thurnwald R. Psychologie des Primitiven Menschen. E. Reinhardt Verlag, 1922.

BIBLIOGRAPHY

1. Artemova O. Ju. Koleno Isava. Ohotniki, sobirатели, rybolovy. Opyt izuchenija al'ternativnyh social'nyh sistem. M., 2009.
2. Bannikov K. L. Antropologija jekstremal'nyh grupp. Dominantnye otnoshenija sredi voennosluzhashhih srochnoj sluzhby Rossijskoj Armii // Jetnograficheskoe obozrenie. 2001. № 1. S. 112-141.
3. Butinov N. A. Narody Papua-Novoj Gvinei. L., 1968.
4. Firth R. We, the Tikopia. A Sociological Study of Kinship in Primitive Polynesia. Boston, 1957.
5. Levinton G. A. Naskol'ko «pervobytna» ugolovnaja subkul'tura // Sovetskaja jetnografija. 1990. № 2.
6. Markov G. E. Pervobytnoe obshhestvo: Uchebnoe posobie. M., 2009.
7. Nikishenkov A. A. Funkcionalizm Malinovskogo i problema izuchenija rodstva, braka i sem'i v doklassovom obshhestve (K voprosu o sootnoshenii teorii , metodologii i konkretnoj problematiki jetnografii v britanskom funkcionalizme) // Vestnik MGU. Serija 8. Istorija. 1981. № 5.
8. Nikishenkov A. A. Metod strukturnogo analiza A. R. Rjedkliff-Brauna i problema izuchenija otnoshenij rodstva v doklassovyh obshhestvah // Puti razvitija zarubezhnoj jetnologii. M., 1983.
9. Sahlins M. Poor man, Rich man, Big-man, Chief: Political types in Melanesia and Polynesia // Comparative Studies in Society and History. Vol. 5. № 3.
10. Samojlov L. Jetnografija lagerja // Sovetskaja jetnografija. 1990. № 1.
11. Tendrjakova M. V. Pervobytnye iniciacii i sovremennaja kul'tura // Sovetskaja jetnografija. 1991. № 6.
12. Tendrjakova M. V. Pervobytnye vozrastnye iniciacii v krugе «vechnyh» voprosov // Jetnograficheskoe obozrenie. 2014. № 1.
13. Thurnwald R. Psychologie des Primitiven Menschen. E. Reinhardt Verlag, 1922.
14. Tutorskij A. V. Rec. na: G. E. Markov. Pervobytnoe obshhestvo: Uchebnoe posobie. M., 2009 // Jetnograficheskoe obozrenie. 2009. № 2.